

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА ПО ОТНОШЕНИЮ К СТАРООБРЯДЧЕСКИМ МОЛЕЛЬНЯМ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в. (НА МАТЕРИАЛАХ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Рассмотрена политика государства по отношению к старообрядческим культовым центрам во второй четверти XIX в. На основании изученных документов авторы приходят к выводу, что в указанный период доминировали административные, силовые меры воздействия на старообрядцев, целью которых являлось искоренение староверия. На материалах Вятской губернии показана реализация запрета на строительство новых и ремонт обветшавших старообрядческих молелен, действовавшего на законодательном уровне.

Ключевые слова: Русская православная церковь; духовенство; старообрядцы; молельня; религиозная литература; конфессиональная политика; Николай I; законодательство; Вятская губерния.

Огромный вклад в сохранение древнерусской культуры внесли приверженцы староверия. Их молельни не только выполняли религиозные функции, но и являлись культурными центрами старообрядчества. В них хранились иконы «дониконовского» письма и богослужебные книги, которые почитались староверами в равной степени. Осознание их значимости побуждало старообрядцев всеми силами бороться за сохранение памятников духовного наследия в случае их изъятия властями. Ценность написанной по старым канонам иконы, как религиозной философии в образах, была для них несомненна. Значимость книги обуславливалась совокупностью факторов. Прежде всего, книжная культура старообрядцев неразрывно связана с религией; книга, бытовавшая в их среде, – это книга религиозная по своему содержанию. Кроме того, книга воспринималась как способ трансляции исторического наследия. Через нее староверы передавали накопленный опыт в сфере религии и культуры последующим поколениям. В связи с этим книга оценивалась старообрядцами как источник непререкаемой истины. Наконец, книга использовалась в целях обучения и воспитания. При этом известно, что уровень грамотности старообрядцев часто был выше, чем аналогичный показатель в среде приверженцев официальной церкви. Таким образом, книга в восприятии старообрядцев – объект культуры, обладающий особой ценностью [1]. Центрами сосредоточения старообрядческой книжности являлись молельные дома, функционирование которых на протяжении всего XIX в. находилось под строгим контролем как светских, так и духовных властей. Возможность открывать свои молельни старообрядцы получили лишь в царствование Александра III по указу от 3 мая 1883 г., однако для этих целей им разрешалось использовать только уже существующие здания [2. С. 220]. Право строить новые молельные дома было даровано староверам в начале XX в., по указу Николая II 17 апреля 1905 г. [3. С. 257–258].

Наиболее жесткой по отношению к старообрядцам являлась политика Николая I. Она носила ярко выраженный ограничительный характер и преследовала цель полного искоренения староверия. При этом акцент делался на силовых, административных способах воздействия на старообрядцев, которые находились под контролем Третьего отделения император-

ской канцелярии. В обязанности последнего входило доставление сведений «о числе существующих в государстве разных сект и расколов» [4. С. 666]. Согласно постановлению от 10 июня 1853 г. в местностях, где проживали староверы, усиливалась городская и земская полиция [5. С. 455]. За лицами, исполнявшими у старообрядцев духовные требы и религиозные обряды, не признавался сан священника. Их следовало называть либо «остающийся у раскольников поп», либо «исправляющий у раскольников духовные требы» [6. С. 136]. Законодательство второй четверти XIX в. регламентировало не только функционирование, но и наличие молелен «ревнителей древнего благочестия». В частности, молельные дома и часовни, построенные до 17 сентября 1826 г., рекомендовалось оставлять «в том положении, в каком они в то время были; после же того... вновь строить что-либо похожее на церкви» не разрешалось. Ремонт или «возобновление старых подобных зданий» запрещались [7. С. 6]. В том случае, если старообрядцы преступали закон и самовольно открывали молельню, ранее опечатанную властями, она подлежала уничтожению [6. С. 140]. Во всех официальных документах «раскольнические молитвенные здания не должны быть называемы церквами, а только молельными или часовнями» [7. С. 142].

Имеющиеся в нашем распоряжении неопубликованные источники, извлеченные из фондов Российского государственного исторического архива и Государственного архива Кировской области, позволяют проследить реализацию конфессиональной политики государства в отношении старообрядческих культовых центров на материалах Вятской губернии. Так, одним из крупнейших духовных центров вятского староверия являлась молельня в деревне Боровской Сретенской волости Нолинского уезда, которая была построена в 1791 г. [8. Л. 42] и функционировала до 1845 г. Первоначально она имела внешний облик православной церкви, и венчал ее купол с крестом, на что в 1805 г. было дано согласие властей. Разрешалось также содержать при молельне «10 небольших домиков для призрения неимущих» [9. Л. 53 об.]. Однако с воцарением Николая I кардинально меняется курс конфессиональной политики правительства в сторону ужесточения. В соответствии с действовавшим во второй четверти XIX в. законодательством недопу-

стимым считалось наличие атрибутов православного храма в старообрядческой молельне: престолов, колоколов и крестов [10. С. 446]. В связи с этим 10 ноября 1835 г. министр внутренних дел Д.Н. Блудов довел до сведения вятского губернатора К.Я. Тютяева решение императора о снятии колоколов с трех старообрядческих часовен Нолинского уезда – Боровской, Ситминской и Таратихинской – и передаче их в церковь при тюремном замке г. Вятки. Позднее последовало распоряжение императора и о снятии крестов с указанных культовых зданий. Помимо этого, руководствуясь Уставом о предупреждении и пресечении преступлений (Т. 14, ст. 48), за старообрядцами Ситминской волости Нолинского уезда необходимо было установить контроль, для того чтобы не допустить использование ими нового каменного дома, построенного для «призрения престарелых и убогих», в качестве молельни [11. Л. 13 об.]. Нолинский земский исправник получил соответствующие предписания вятского губернатора и рапортами от 31 декабря 1835 г. и 5 февраля 1837 г. отчитался об их исполнении – снятии трех медных колоколов и четырех крестов со старообрядческих молелен в деревне Боровской, Ситминской и Таратихинской, «несмотря на вопль и крики угнетенных скорбию раскольников» [Там же. Л. 39].

Религиозно-просветительскую работу среди местных старообрядцев, по поручению епархиального архиерея, проводил миссионер Николаевского собора г. Нолинска протоиерей Михаил Преображенский. В частности, 26 марта 1845 г. он организовал назидательную беседу со староверами, которая продолжалась более трех часов. В общей сложности прихожанами Боровской молельни являлось около 1 500 староверов-федосеевцев, включая малолетних детей. На беседу с православным пастырем пришли 153 человека. М. Преображенский объявил присутствовавшим волю императора Николая I об обращении их в единоверие. Для этого они должны были согласиться принять православного священника, который стал бы совершать для них богослужения по старопечатным книгам, признаваемым старообрядцами. В случае же, если старообрядцы проявят упорство, кельи, после предварительного выселения из них «ревнителей древнего благочестия», надлежало уничтожить, а молельню оставить закрытой с перспективой преобразования ее в православный храм.

Слова миссионера, несмотря на все его усилия, не имели успеха: никто из староверов не пожелал воссоединиться с официальной церковью даже на правах единоверия. Они заявили, что имеют «своих наставников, о коих, хотя бы довелось и голову на плаху положить, никому не скажут». Проявляя фанатичную преданность «древнему благочестию», беспоповцы выразили убежденность в том, что «только та истинная вера, которая гонима», подразумеваемая под таковой старообрядчеством, «и заключили тем, что хотя бы довелось и в Сибирь идти, но и тогда священника им не надо» [12. Л. 66]. Напомним, что изначально наиболее жесткую позицию по отношению к Русской православной церкви и ее духовенству занимали именно беспоповцы, убежденные в том, что после проведения

реформы патриарха Никона весь мир является царством антихриста, в том числе и официальная церковь. Православных пастырей они в связи с этим воспринимали не иначе как слуг антихриста и не считали возможным, даже после перекрещивания, принимать их к себе для совершения богослужения и отправления духовных треб [13. С. 69]. Данные функции у беспоповцев стали исполнять не рукоположенные в сан наставники, или уставщики. Как видим, местные старообрядцы в создавшейся ситуации были носителями данной идеологии.

Исполняя решение властей, после закрытия Боровской молельни согласно императорскому указу 5 мая 1845 г. иконы, книги и другие вещи, находившиеся в ней, с целью предотвращения организации кражи, были переданы на хранение в церковную палатку Николаевского собора г. Нолинска. Кельи же, построенные близ молельного дома, были уничтожены. Однако старообрядцы выразили свой протест против такой политики, проводившейся в их отношении, в открытой форме. Об этом свидетельствуют следующие факты. Так, 17 декабря 1846 г. Комитет министров вынес решение по делу о краже книг и икон из Боровского молельного дома. Вероятно, после закрытия молельни часть имущества старообрядцы успели вынести до его передачи на хранение в церковную палатку при Николаевском соборе. 13 книг, изъятых у старообрядцев К. Чиркова, Т. Маслова и А. Тимофеевой, поступили на рассмотрение Вятской духовной консистории с целью выявления их соответствия учению Русской православной церкви. Все они были признаны не отвечающими интересам официального православия, особенно «Житие Преподобного Василия Нового», которое получило крайне негативную оценку со стороны православного клира: «Наполнено такими сказаниями, которые невеждам и заблуждающим от православной веры, каковы все наши раскольники, могут подать повод к понятиям и суждениям о будущем веке чувственно грубым и странным» [14. Л. 145–145 об.]. Рассмотренные книги были отправлены в Министерство внутренних дел, как того требовало действовавшее законодательство. Виновных в совершении кражи книг из Боровской молельни найти не удалось, но в деле фигурируют имена подозреваемых – Т. Сухих, Ф. Изергина и Е. Нелюбина. Возможно, они проникли в молельный дом через слуховое окно. За ними было установлено строгое наблюдение со стороны местных властей с целью обнаружения похищенных икон и книг. Г. Брызгалова, обвиняемого в «сокрытии найденных в лесу близ села Сретенского на елке в мешке книг, икон и креста и в недопущении волостного головы к обыску с произнесением ругательств», приговорили к тюремному заключению на срок 8 суток [12. Л. 193 об.–194].

Вскоре после описанных событий протоиерей Н. Романов сообщил вятскому преосвященному Неофиту, что 23 мая 1847 г., побывав у Боровской молельни, он заметил новые восковые печати на дверях взамен сорванных. Спустя год миссионер довел до сведения епископа, что деревянный молельный дом старообрядцев сгорел «будто бы от силы молнии во время грозы» 30 апреля 1848 г. [Там же. Л. 172]. По

просьбе Неофита вятский губернатор А.И. Серeda распорядился о проведении расследования на предмет выяснения причин пожара и уничтожения молельни. Пристав 2-го стана Нолинского уезда А. Назаров установил следующие обстоятельства дела: «30 апреля 1848 г. после половины дня последовал сильный удар грома. Молния ударила в крышу молельни, которая вдруг вся вспыхнула, затем пламя быстро распространилось на все здание и, хотя собравшиеся жители деревни Боровской и окольные принимали к прекращению пожара все меры, но все усилия их оказались бесполезными» [12. Л. 173 об.]. Предположение об умышленном поджоге доказать в ходе следствия не удалось. Никто из крестьян, опрошенных под присягой, не дал соответствующих показаний. Несмотря на это, исключать организацию поджога молельни старообрядцами нельзя. Возможно, таким образом они выразили протест против преобразования своего храма в единоверческую церковь. Тем более что подобные ситуации известны и были зафиксированы применительно к другим старообрядческим культовым центрам. Например, 28 апреля 1850 г. Святейший Синод постановил передать старообрядческую молельню в селе Старая Тушка в ведение местного православного духовенства и преобразовать ее в единоверческий храм [15. Л. 15–15 об.]. В сентябре 1852 г. замки в тушкинской молельне были взломаны, а печати с двух дверей сорваны. В результате проведенного осмотра выяснилось, что из молитвенного дома похищены некоторые вещи (паникадило, свечи и др.) [16. Л. 70]. Судьба же созданной единоверческой церкви оказалась печальной. Она просуществовала достаточно недолго. В ночь на 15 августа 1860 г., как сообщил становой пристав Малмыжского уезда вятскому губернатору, она полностью сгорела. Пока огонь не проник внутрь здания, старообрядцы сумели вынести из храма 29 икон. По данному делу было произведено расследование, в ходе которого местным властям удалось установить только то, что поджог церкви совершили сами старообрядцы села Старая Тушка или близлежащих деревень [17. Л. 5 об.].

В селе Слудка Лобанской волости Нолинского уезда функционировали две старообрядческих молельни: одна принадлежала поповцам, другая – беспоповцам-федосеевцам. Молельня, принадлежавшая старообрядцам-поповцам, была построена в начале XIX в. Точно установить год ее основания не представляется возможным. В различных документах в качестве такового называется 1804 г. [8. Л. 42] и 1810 г. [18. Л. 1]. В связи с обветшанием молельного дома староверы предприняли соответствующие меры, однако действовавшее тогда законодательство не разрешало им не только строить вновь «что-либо, похожее на церкви», но и производить ремонт старых часовен [4. С. 946; 7. С. 6; 10. С. 446]. В ответ на эти действия старообрядцев в 1837 г. их молельня была закрыта нолинским земским исправником. Такова же была участь молельного дома беспоповцев федосеевского согласия.

В случае закрытия той или иной старообрядческой молельни закон предусматривал предоставление всех хранившихся в ней икон, книг и предметов церковной

утвари на рассмотрение местной духовной консистории для передачи их в распоряжение ближайшего единоверческого храма. Все предметы культа, изъятые из слудских молелен, поступили в церковь села Лобанского. Епископ Вятский и Слободской Неофит высказал мысль о необходимости преобразования культовых центров староверов в православные храмы «с дозволением совершать на первый раз определенным священникам божественную службу... по тем же старопечатным книгам, кои в оных часовнях находятся, если они по рассмотрении не окажутся противными православию» [12. Л. 10 об.]. Интересно, что вятский губернатор А.И. Мордвинов идею преосвященного воспринял скептически и в донесении министру внутренних дел отметил, что надеяться на успех ее реализации не представляется возможным, поскольку среди населения данной местности преобладают старообрядцы, не настроенные на диалог с официальной церковью. Кроме того, техническое состояние обветшавших зданий оставляло желать лучшего.

Реакция старообрядцев оказалась вполне предсказуемой: они выступили категорически против преобразования их молелен в православные церкви. Более того, староверы попытались доказать законность существования их храмов. Одним из аргументов было то, что молельни открылись при старообрядческих кладбищах, и здесь происходило отпевание усопших. Без этого верующие не могли выполнить свой христианский долг и достойно проводить в последний путь умерших. Доказывая законность своих прав, староверы предъявили земскому исправнику копию с указа Казанской губернской канцелярии от 4 февраля 1765 г. о выделении им государственной земли для погребения умерших. Ф.С. Штин от лица слудских поповцев ходатайствовал о разрешении им возобновить богослужения. В ходе проведенного расследования при каждой из слудских молелен были обнаружены настоящие паломнические центры. В частности, при молельне поповцев содержалось 9, а при федосеевской молельне – 11 келий, в которых проживали старообрядцы. По мнению исправника, они намерены «перенести в кельи богослужение, прикрыв посещение кладбища посторонними раскольниками видом поминков либо благотворительности» [18. Л. 14 об.]. В сложившейся ситуации епископ Неофит высказался за снос данных объектов. Окончательное решение по данному делу было вынесено 16 сентября 1841 г. Комитетом министров. В соответствии с ним кельи следовало разобрать, а пребывавших в них староверов вернуть в места их постоянного проживания, что и было выполнено [Там же. Л. 43]. Что касается молельных домов старообрядцев, то, по указу императора 5 января 1845 г., они были уничтожены в марте того же года. Местной полиции вменялось в обязанность установить строгое наблюдение за старообрядцами, с тем чтобы они «не осмеливались вновь устраивать молитвенных зданий или производить в домах своих сборища для богомолений» [12. Л. 35 об.].

Еще одним духовным центром староверия на Вятской земле являлась Наймушинская молельня, располагавшаяся в Глазовском уезде. В конце XVIII в. при починке Песчаный Ключ (позднее – в деревне

Наймушинской) без соответствующего разрешения властей было открыто старообрядческое кладбище. На нем староверы поповского толка построили свою молельню. К сожалению, архивные материалы не позволяют точно установить год ее основания. По документам Вятской духовной консистории, она была построена около 1814 г. [19. Л. 15]. Согласно сведениям, представленным Глазовским уездным исправником в октябре 1870 г. после осмотра молельни, годом ее постройки следует считать 1826 г. [20. Л. 159]. Сами старообрядцы в одном из ходатайств, направленных в МВД, указали, что их молельня существует при починке Песчаный Ключ с 1822 г. [21. Л. 1]. Вероятно, наиболее точная дата – 1814 г., поскольку известно, что в 1823 г. молельня уже заново перестраивалась. Получив сведения об этом, министр внутренних дел А.А. Закревский распорядился о ее закрытии (1829 г.) [22. Л. 30].

Через два года Министерство внутренних дел признало возможным отменить свое решение о закрытии молельни и староверы смогли отправлять в ней богослужения. Однако епархиальное начальство после этого неоднократно заявляло о необходимости закрытия Наймушинской молельни, ссылаясь на то, что старообрядцы, несмотря на запрет государственной власти, постоянно ремонтировали ее, например, после пожара 1855 г. [23. Л. 1]. Вятский епископ Елпидифор сообщил об этом губернатору и просил его распорядиться о запрещении старообрядцам исправлять свой молитвенный дом. Еще ранее, 4 июля 1846 г., Кабинет министров постановил: «Вменить местному полицейскому начальству в обязанность иметь строгое наблюдение, дабы с оной (с молельней) не было допущаемо никаких поправок или возобновлений» [24. Л. 2 об.]. Учитывая это, вятский губернатор сделал соответствующее распоряжение, обратившись к земскому исправнику, после чего за местными старообрядцами был установлен строгий надзор.

Впоследствии, по инициативе епархиального начальства, Наймушинская старообрядческая молельня была опечатана, перестроена в кладбищенскую единоверческую церковь. Староверы, потеряв свою молельню и все предметы культа, находившиеся в ней, неоднократно предпринимали попытки вернуть их, но безуспешно. Им было отказано и в разрешении построить новую часовню в деревне Бармашевской, поскольку на расстоянии от 2 до 20 верст от нее находились четыре старообрядческих молельни [25. Л. 16–17]. Вплоть до 1906 г. старообрядцы неоднократно направляли ходатайства в Министерство внутренних дел о возвращении им Наймушинской молельни [21. Л. 24 об.], однако они так и не увенчались успехом.

В январе 1838 г. по поручению Глазовского земского суда становой пристав Лихачев опечатал старообрядческую молельню в деревне Курьинской Глазовского уезда. В ходе проведенного им расследования выяснилось, что местные старообрядцы самовольно починили крышу молельного дома, открытого около 30 лет назад, а также сени, пристроенные к нему. На расстоянии семи саженей от молельни пристав обнаружил «выстроенный из нового лесу... домик, или избу с печкою». Произведенный ремонт ста-

роверы мотивировали тем, что во время бури со многих домов, в том числе и с молельни, сорвало крышу. В результате в здание стала поступать вода, что причиняло вред хранившимся там иконам. В создавшейся ситуации старообрядцы починили крышу. Поправки сеной они мотивировали «ветхостью бревен крыши, которые угрожали им падением». При этом староверы утверждали, что все описанные действия они произвели «по незнанию законоположения, воспрещающего подобные поправки» [26. Л. 1 об.–2]. Как было сказано выше, действовавшее во второй четверти XIX в. законодательство запрещало осуществлять какой бы то ни было ремонт старообрядческих молелен. В противном случае староверы привлекались к судебной ответственности, а молельня опечатывалась властями. В решении Глазовского земского суда подчеркивалось, что данную молельню следовало либо «оставить запечатанною», либо уничтожить. Однако суд учел фактор возможного психологического воздействия подобного вердикта – озлобленность старообрядцев в связи с оказываемым на них силовым давлением, принуждением их к воссоединению с официальной церковью. На этом основании суд счел необходимым оставить курьинский молельный дом в «настоящем его положении» с разрешением проводить в нем богослужения «до совершенного его разрушения». Власти, таким образом, рассчитывали на скорое естественное разрушение здания по причине его ветхости. Между тем, чтобы старообрядцы не подумали, что законом разрешено ремонтировать старые молельни, сени, «как ими поправленные уже не по причине бури, но по собственному... произволу», следовало уничтожить [Там же. Л. 2 об.]. Итоговое решение по данному делу было вынесено императором 24 апреля 1840 г.: «Означенную моленную в деревне Курье и пристроенную к оной избу... оставить навсегда запечатанными» [Там же. Л. 16]. Очевидно, что власти, считая безусловно приоритетными методы запрета, ограничения в правах старообрядцев, систему жестких наказаний, стремились избежать обострения взаимоотношений староверов и адептов Русской православной церкви и усиления конфронтации между ними. Этим обусловлена специфика вынесенного решения, предполагающего, с одной стороны, сохранение молельни, но с другой – запрет на ее использование в религиозных целях. За старообрядцами устанавливался строгий надзор со стороны местной полиции в целях пресечения совершения ими противоправных деяний, в частности самовольного открытия молельни, проведения в ней богослужений.

Молельни устраивались старообрядцами и в жилых избах. Например, таковая была обнаружена в доме Ивана Кривошеина – крестьянина деревни Федоровской Медянского прихода, приверженца поморского согласия. По поручению губернатора К.Я. Тютфеева в сентябре–октябре 1836 г. вятским земским исправником было проведено необходимое расследование. В ходе следственных мероприятий И. Кривошеин признал, что изба, принимаемая за молельню, была построена примерно 15 лет назад его отцом – Ионой, и при его жизни здесь действительно проводились службы и совершались различные обряды, в

том числе и крещение младенцев. Косвенным подтверждением этого служили обнаруженный исправником при обыске большой чугунный котел, а также достаточно большое количество различных книг религиозного содержания, среди которых Псалтырь, Канонник, святцы и др. И Иван, и его брат Федор Кривошеин заявили, что в данный момент осмотренная изба не используется как публичная молельня. Между тем епископ Вятский и Слободской Нил усмотрел «вредное влияние» на православных старообрядцев прихода села Медянского. Преосвященный обратил особое внимание на поведение Федора Кривошеина, который, по его словам, «стал настолько дерзновенным, что священнику села Медянского при народе публично заявил, чтобы он не трудился располагать народ к церкви, ибо никто его не послушает» [27. Л. 26 об.]. Однако следствию не удалось доказать вину Кривошеиных в распространении староверия и в «сворачивании православных», в связи с чем в марте 1841 г. они были освобождены от дальнейшего судебного преследования. Духовные власти настаивали на том, чтобы молельня в деревне Федоровской была опечатана, но решение Комитета министров предусматривало возвращение дома, в котором она размещалась, его владельцу. При этом за молельней устанавливался строгий полицейский надзор [Там же. Л. 37 об.], с тем чтобы не допустить ее использования в целях пропаганды староверия.

Аналогичным был приговор, определивший судьбу молельни, открытой в избе Гавриила Козлова – крестьянина-старообрядца деревни Мокрушинской Верхосунской волости Нолинского уезда. Уездный исправник Порфирьев при осмотре обнаружил молельню «распечатанную, чисто прибранную, в ней были на передней стене полки с образами... на лавках несколько подручников, употребляемых раскольниками при молении» [28. Л. 2 об.]. 4 деревянных и 4 медных иконы, медные складни, медный восьмиконечный крест и кадильница, религиозная, в том числе богослужебная, литература (Часослов, Псалтырь, Синодик, рукописная книга с именами умерших для поминовения и др.), 20 подручников, свечи, разделенные по сортам, – все это свидетельствовало о том, что помещение использовалось не как жилое, а, вероятнее всего, для религиозных целей [Там же. Л. 12 об.–13]. Особое внимание обращают на себя подручники – молитвенные коврики, используемые старообрядцами при земных поклонах и позволяющие сохранить руки чистыми [29]. Это атрибут старообрядческого богослужения, поскольку вследствие реформ патриарха Никона земные поклоны были заменены поясными, и необходимость в подручниках для адептов официальной церкви после этого отпала.

В ходе опроса Г. Козлов заявил, что является приверженцем федосеевского согласия и несколько лет назад подвергался судебному преследованию за исполнение религиозных обрядов, в частности крещение младенца, за что был наказан – «выдержан при волостном правлении на хлебе и воде 7 дней» [28. Л. 15]. При этом Г. Козлов не отрицал, что ранее в принадлежавшей ему избе действительно собирались старообрядцы для богослужения, но только до 1837 г.,

когда молельня была опечатана бывшим уездным исправником Честновским. Однако, по словам подследственного, Честновский в том же году дал разрешение открыть ее и использовать как жилое помещение. Тогда там поселились племянницы Г. Козлова – Буторина и Бабкина, и строение перестало использоваться в религиозных целях. Истинность данных показаний не очевидна и может быть поставлена под сомнение, поскольку делопроизводственная документация 1839 г. содержит информацию о проведении богослужений в доме Г. Козлова, очевидцами которых являлись дьячок с. Сунского Шабалин и православные крестьяне д. Мокрушинской и Черинской. В связи с этим нолинский исправник Порфирьев опечатал «моленную горницу», поручил Верхосунскому правлению вести за нею постоянное наблюдение, а все обнаруженные книги, иконы и другие вещи передал на хранение в церковь села Верхосунского. Что касается бывшего исправника Честновского, то он первоначально опровергал показания Г. Козлова, а затем, в 1841 г., признал факт открытия им молельни, подчеркнув, однако, что сделал это исключительно «для жительства племянницам Козлова... а не для общественного собрания для богомолния» [28. Л. 58]. И Г. Козлов, и исправник Честновский избежали наказания по суду только по причине смерти (первому на момент проведения следствия было более 95 лет). Помещение, которое использовалось ранее для богослужений, в соответствии с решением Нолинского уездного суда от 14 июля 1841 г., разрешалось оставить племянницам Г. Козлова с условием, что оно обязательно будет переделано под крестьянскую жилую избу. Бабкина и Буторина должны были дать подписку в том, что обязуются не допускать «никаких сборищ для раскольнических молений под опасением строжайшей ответственности» [Там же. Л. 65–66 об.]. Как видим, и в условиях жесткого репрессивного курса царского правительства по отношению к старообрядцам власти, заинтересованные в воссоединении староверов с Русской православной церковью, стремились избежать возможного обострения противоречий и в ряде случаев отказывались от уничтожения молелен, ограничиваясь лишь их закрытием или переустройством для использования в качестве жилых помещений. Однако подобные ситуации наблюдаются только тогда, когда следствию не удавалось собрать достаточно улик и доказать вину старообрядцев, например, в самовольном открытии ранее опечатанной молельни и ее использовании для совершения богослужений. В противном случае адепты староверия наказывались по всей строгости закона, а молельни уничтожались.

Действовавшее законодательство предусматривало освобождение старообрядцев от судебного преследования за открытие в своем доме молельни в случае перехода их в лоно Русской православной церкви, в том числе путем принятия единоверия. Напомним, что единоверие было введено при Павле I, который «заботился об изыскании способов к сближению раскольников с православными путем некоторых незначительных религиозно-обрядовых уступок» [6. С. 27]. В 1800 г. были утверждены составленные московским митрополитом Платоном Правила, предусматривав-

шие создание единоверия для той части старообрядцев, которые согласны были «войти в подчинение Синоду, однако опасались оставить древние обряды» [29. С. 94]. Приверженцы единоверия сохраняли внешнее сходство со старообрядцами поповского толка (двоеперстное крестное знамение, двоекратное повторение слова «аллилуйя» в религиозных песнопениях и др.), однако признавали главенство Святейшего Синода и обязались принимать священство от официальной церкви. Согласно Правилам 1800 г. со староверов, принявших единоверие, снималась анафема, наложенная на них при патриархе Никоне. Таким образом, при Павле I был найден компромисс в решении проблемы государственно-старообрядческих отношений, хотя сами старообрядцы негативно относились ко всем воссоединившимся с официальной церковью, в том числе и на правах единоверия.

Принятие единоверия означало присоединение старообрядцев к Русской православной церкви, а потому служило основанием для освобождения их от наказания за совершение ряда преступлений. Так, согласно рапорту священника Матвея Мышкина, в селе Паздеринском Сарапульского уезда работник Камско-Воткинского завода Антон Петров «к умножению и утверждению раскола и к соблазну православных христиан в доме у себя в нарочито устроенной для богомолья избе делает собрания и сам поучает ересям» [30. Л. 1]. Первоначально, по распоряжению Вятского губернского правления, самовольно устроенная в доме А. Попова молельня была опечатана. Однако впоследствии, после перехода его в единоверие, Вятский секретный совещательный комитет принял решение об открытии молельни и преобразовании ее в жилое помещение с тем условием, чтобы за ней велось постоянное наблюдение и не допускалось «никакого устройства, похожего на часовню» [Там же. Л. 26]. Со стороны министра внутренних дел данное постановление не встретило возражений и было приведено в исполнение. Все обнаруженные при осмотре здания книги были проанализированы представителями духовенства. В результате часть книг (Псалтырь, Минея, Канон по усопшим) Вятская духовная консистория сочла возможным передать в местную единоверческую церковь, равно как и изъятые у А. Попова пять икон, не противоречивших учению официальной церкви. Книга, содержащая рассуждения об Антихристе, написанная Стефаном Яворским, была признана нравоучительной и полезной «как для православных сынов церкви, так и для заблудших» и на этом основании возвращена владельцу. Аналогична судьба Каноника и Святцев, предназначенных к «частному употреблению» [Там же. Л. 25, 30]. Несомненно, что в случае, если бы А. Попов сохранил приверженность «древнему благочестию», по данному делу было бы проведено тщательное расследование и окончательное решение предусматривало бы закрытие и опечатывание старообрядческой молельни, а ее владелец за нарушение действовавшего законодательства понес бы наказание по суду. Ситуация сложилась иначе лишь благодаря воссоединению А. Попова с Русской православной церковью.

Особенно жестко наказывались старообрядцы, уличенные в организации богослужений в своем доме, поскольку подобная деятельность приравнивалась

к распространению и пропаганде староверия. Данные факты устанавливались по донесениям представителей православного клира и служили поводом для проведения судебного расследования. В частности, в 1841 г. было возбуждено дело, главными фигурантами которого являлись старообрядцы Нолинского уезда Лупп и Павел Шихалевы. Они обвинялись в «допущении в своем доме раскольнических собраний с целью богомолья» [31. Л. 6]. В особой «горнице» в избе Л. Шихалева были обнаружены иконы, «старинные церковные книги» и предметы богослужения. Сами старообрядцы отказались признать свою вину, но 28 опрошенных под присягой показали, что видели, как в дом к Л. Шихалеву по воскресным и праздничным дням открыто приходили местные староверы для участия в богослужении. Дело Шихалевых рассматривалось в нолинском уездном суде и Вятской палате уголовного и гражданского суда, а окончательное решение было вынесено Комитетом министров 6 мая 1841 г. В соответствии с ним Лупп Шихалев и его внук Павел приговаривались к тюремному заключению сроком на 4 недели каждый и обязывались подпиской впредь не организовывать никаких собраний старообрядцев. Молельную комнату в доме Луппа следовало уничтожить.

Таким образом, действовавшее во второй четверти XIX в. законодательство жестко регламентировало функционирование старообрядческих молелен. Оно полностью соответствовало поставленным властями задачам в области конфессиональной политики – пресечение распространения староверия и воссоединение его адептов с официальной церковью. При помощи представителей православного духовенства органами полиции выявлялись культовые центры старообрядцев и принимались необходимые меры для прекращения их деятельности. Так, только в Нолинском уезде в рассматриваемый период прекратили свое существование 5 старообрядческих культовых центров. В 1840 г. по решению властей была уничтожена Таратихинская молельня, в 1845 г. та же участь постигла две Слудских молельни, в 1848 г. сгорела Боровская молельня, которую власти планировали преобразовать в единоверческий храм, наконец, в 1850 г. по решению Комитета министров была подвергнута разрушению Ситминская молельня. В каменном же здании старообрядческой Ситминской богадельни в 1859 г. был открыт единоверческий храм. Подобные проявления политики властей можно наблюдать и на общероссийском уровне. В частности, в это же время были ликвидированы Иргизские (1841–1842 гг.) и Керженские (1854–1857 гг.) старообрядческие монастыри и Выгорецкая обитель (1854–1856 гг.). Пострадали и духовные центры Стародубья: упразднены Казанский Климковский монастырь (1850 г.) и Тульгорские Норские обители (1850 г.), преобразованы в единоверческие Покровский Климковский (1848 г.) и Новопокровский (1850–1853 гг.) монастыри [32. С. 218, 216]. Успенская церковь Преображенского кладбища и Никольская церковь Рогожского кладбища в 1854 г. были переосвящены в православные. Вслед за тем, в 1856 г., были «запечатаны» алтари храмов Рогожского кладбища. Однако проводимая в отношении старообрядцев огра-

ничительно-запретительная политика не достигла желаемой для властей цели: староверие продолжало существовать как религиозно-культурный и социальный феномен. Правительство рассматривало старообрядцев «как временное зло в государстве, подлежащее уничтожению» [33. С. 33]. Между тем старообрядчество доказывало свою жизнеспособность, несмотря на все гонения, которым подвергались его приверженцы. Численность староверов продолжала расти вопреки

мерам, предпринимаемым властями. Это подтверждают данные статистики. Так, если в 1838 г. в Вятской губернии проживало 31 622 старообрядца [34. Л. 133 об.], то в 1855 г. их насчитывалось 38 996 человек [35. Л. 9]. Взаимовыручка, сплоченность, помощь состоятельных членов общины из числа предпринимателей позволили старообрядцам выстоять даже в условиях жестких карающих мер, применяемых по отношению к приверженцам «древнего благочестия».

ЛИТЕРАТУРА

1. Поздеева И.В. Книга – Личность – Община – инструменты воспроизводства традиционной культуры (30 лет изучения старообрядческих общин Верхотурья) // Старообрядческий мир Волго-Камья: проблемы комплексного изучения: Материалы научной конференции. Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2001. С. 7–30.
2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. 1881–1913. Т. III. 1883. СПб., 1886. С. 219–221. № 1545. «Мая 3. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета (Собр. Узак. 1883 г., мая 24, ст. 469) – О даровании раскольникам некоторых прав гражданских и по отправлению духовных треб».
3. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. 1881–1913. Т. XXV. 1905. Отделение первое. От № 25605–27172 и доп. 1908. С. 257–258. № 26125. «Апреля 17. Именной Высочайший указ, данный Сенату (Собр. Узак. 1905 г., апреля 17, отд. I, ст. 526) – Об укреплении начал веротерпимости».
4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 1825–1881. Т. I. 12 декабря 1825–1826. СПб., 1827. С. 665–666. № 449. «Июля 3. Именной, данный Управляющему Министерством Внутренних дел – О присоединении Особенной Канцелярии Министерства Внутренних дел к Собственной Его Императорского Величества Канцелярии».
5. Собрание постановлений по части раскола. СПб. : Типография Министерства внутренних дел, 1875. 694 с.
6. Обзор мероприятий Министерства внутренних дел по расколу с 1802 по 1881 г. СПб. : Типография Министерства внутренних дел, 1875, 1903. 340 с.
7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе (1825–1881). Т. 18 (1843). Ч. 2: прибавление к тому XVII. СПб., 1844. С. 6. № 16123а. «О раскольнических часовнях и молитвенных домах».
8. Государственный архив Кировской области (далее ГАКО). Ф. 582. Оп. 126. Д. 103.
9. ГАКО. Ф. 582. Оп. 128. Д. 155.
10. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе (1825–1881). Т. 11 (1836). СПб., 1837. С. 446. № 9107. «Апреля 28. Высочайше утвержденное положение Комитета Министров – О воспрещении обращать крестьянские избы в старообрядческие молешни и устраивать в оных престолы».
11. ГАКО. Ф. 582. Оп. 128 г. Д. 4.
12. ГАКО. Ф. 582. Оп. 128 а. Д. 4.
13. Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж : YMCA-Press, 1988. 603 с.
14. ГАКО. Ф. 237. Оп. 4. Д. 1919.
15. Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 797. Оп. 27. Д. 120.
16. ГАКО. Ф. 237. Оп. 7. Д. 437.
17. ГАКО. Ф. 582. Оп. 89. Д. 669.
18. ГАКО. Ф. 582. Оп. 128 г. Д. 79.
19. ГАКО. Ф. 237. Оп. 15 ж. Д. 225.
20. ГАКО. Ф. 237. Оп. 15 з. Д. 764.
21. РГИА. Ф. 1284. Оп. 222. Д. 73 а.
22. РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 822.
23. ГАКО. Ф. 237. Оп. 14. Д. 1747.
24. ГАКО. Ф. 582. Оп. 85. Д. 181 а.
25. РГИА. Ф. 797. Оп. 40. Д. 35.
26. ГАКО. Ф. 582. Оп. 128 г. Д. 86.
27. ГАКО. Ф. 582. Оп. 128 ж. Д. 1.
28. ГАКО. Ф. 57. Оп. 1. Д. 39.
29. Вургафт С.Г., Ушаков И.А. Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря. М. : Церковь, 1996. 317 с.
30. ГАКО. Ф. 582. Оп. 129 а. Д. 27.
31. ГАКО. Ф. 582. Оп. 128 г. Д. 206.
32. Кочергина М.В. Стародубье и Ветка в истории русского старообрядчества (1760–1920 гг.): демографическое развитие старообрядческих общин, предпринимательство, духовная жизнь, культура. Брянск : Ладомир, 2011. 451 с.
33. Васильева С.В. Государственная и церковная политика в отношении старообрядчества Байкальского региона (XVII–XXI вв.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Улан-Удэ, 2011. 52 с.
34. ГАКО. Ф. 582. Оп. 128 з. Д. 34.
35. ГАКО. Ф. 582. Оп. 574. Оп. 1. Д. 30.

Статья представлена научной редакцией «История» 29 января 2018 г.

THE CONFESSIONAL POLICY OF THE STATE IN RELATION TO THE OLD BELIEVERS' CHAPELS IN THE SECOND QUARTER OF THE 19TH CENTURY (ON THE MATERIALS OF VYATKA PROVINCE)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 429, 160–167.

DOI: 10.17223/15617793/429/20

Andrey A. Mashkovtsev, Vyatka State University (Kirov, Russian Federation). E-mail: wikma116@rambler.ru

Victoria V. Mashkovtseva, Vyatka State University (Kirov, Russian Federation). E-mail: wikma116@rambler.ru

Keywords: Russian Orthodox Church; clergy; Old Believers; chapel; religious literature; confessional politics; Nicholas I; legislation; Vyatka Province.

The article examines the state policy in relation to the Old Believer religious centers in the second quarter of the 19th century. The source of the research is archival materials extracted from the funds of the Russian State Historical Archive and the State Archive of Kirov Oblast, as well as regulatory and legal acts presented, first of all, in the Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The main objective of this research is to review the implementation of the all-Russian legislation that regulated the attitude of the authorities to the Old Believers' chapels in Vyatka Province. At various stages of Russian history in the field of the confessional policy of the authorities in relation to the Old Believers, both exhorting and forceful methods of influencing its adherents were used. During the reign of Nicholas I, a system of restrictions and prohibitions was developed, which was applied to the Old Believers. This involved all aspects of the life of representatives of this religious group. In particular, in the localities where the Old Believers lived, the city and zemstvo police were intensified. Persons who performed spiritual rites and religious rites among the Old Believers were not recognized as priests. Their liturgical activity was severely suppressed. The authorities observed strictly that representatives of the Old Believer clergy did not influence the adherents of the Russian Orthodox Church and did not engage in the propaganda of the Old Believers. At the legislative level, not only the functioning, but also the presence of chapels of the "ancient piety" adherents was regulated. Thus, prayer houses built before September 17, 1826 were recommended to be left as they were at the time of the discovery, but after this period it was not allowed to build new chapels. Repair of the deteriorated Old Believers' chapels was forbidden. If the Old Believers transgressed the law and illegally opened a chapel previously sealed by the authorities, it was, as a rule, subject to destruction. In all official documents, religious buildings of the Old Believers were to be called only "prayer house or chapels", but not churches. Finally, the use of the Orthodox Church symbols – domes, crosses and door icons – was not allowed for Old Believers' prayer houses. Based on the documents studied, the authors come to a conclusion that during the period under review, administrative, forceful measures of influence on the Old Believers dominated, with the help of which the authorities sought to eradicate the old faith and reunite its adherents with the official church. However, the restrictive-prohibitive policy towards the Old Believers did not achieve the goal the authorities desired: the Old Believers continued to exist as a religious, cultural and social phenomenon. Mutual support, unity, assistance of wealthy community members from among entrepreneurs allowed the Old Believers to survive even in the conditions of strict punitive measures applied to the "ancient piety" adherents.

REFERENCES

1. Pozdeeva, I.V. (2001) [The book – Personality – Community – tools for the reproduction of traditional culture (30 years of study of the Old Believers' communities of Verkhokamyie)]. *Starobryadcheskiy mir Volgo-Kam'ya: problemy kompleksnogo izucheniya* [Old Believers world of the Volga-Kama: problems of a comprehensive study]. Proceedings of the conference. Perm: Perm State National Research University. pp. 7–30. (In Russian).
2. Russian Empire. (1886) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection Three. 1881–1913. Vol. III. 1883. St. Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. pp. 219–221.
3. Russian Empire. (1908) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection Three. 1881–1913. Vol. XXV. 1905. Pt. 1. St. Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. pp. 257–258.
4. Russian Empire. (1827) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection Two. 1825–1881. Vol. I. 12 December 1825–1826. St. Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. pp. 665–666.
5. Ministry of Internal Affairs. (1875) *Sobranie postanovleniy po chasti raskola* [Collection of resolutions on the part of the split]. St. Petersburg: Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del.
6. Ministry of Internal Affairs. (1903) *Obzor meropriyatiy Ministerstva vnutrennikh del po raskolu s 1802 po 1881 g.* [Review of the activities of the Ministry of Internal Affairs on the split from 1802 to 1881]. St. Petersburg: Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del.
7. Russian Empire. (1844) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection Two. (1825–1881). Vol. 18 (1843). Pt. 2: Supplement to Vol. XVII. St. Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, pp. 6.
8. State Archive of Kirov Oblast (GAKO). Fund 582. List 126. File 103. (In Russian).
9. State Archive of Kirov Oblast (GAKO). Fund 582. List 128. File 155. (In Russian).
10. Russian Empire. (1837) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection Two. (1825–1881). Vol. 11 (1836). St. Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. pp. 446.
11. State Archive of Kirov Oblast (GAKO). Fund 582. List 128 g. File 4. (In Russian).
12. State Archive of Kirov Oblast (GAKO). Fund 582. List 128 a. File 4. (In Russian).
13. Florovskiy, G. (1988) *Puti russkogo bogosloviya* [Ways of Russian theology]. Paris: YMCA-Press.
14. State Archive of Kirov Oblast (GAKO). Fund 237. List 4. File 1919. (In Russian).
15. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 797. List 27. File 120. (In Russian).
16. State Archive of Kirov Oblast (GAKO). Fund 237. List 7. File 437. (In Russian).
17. State Archive of Kirov Oblast (GAKO). Fund 582. List 89. File 669. (In Russian).
18. State Archive of Kirov Oblast (GAKO). Fund 582. List 128 g. File 79. (In Russian).
19. State Archive of Kirov Oblast (GAKO). Fund 237. List 15 zh. File 225. (In Russian).
20. State Archive of Kirov Oblast (GAKO). Fund 237. List 15 z. File 764. (In Russian).
21. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1284. List 222. File 73 a. (In Russian).
22. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1276. List 4. File 822. (In Russian).
23. State Archive of Kirov Oblast (GAKO). Fund 237. List 14. File 1747. (In Russian).
24. State Archive of Kirov Oblast (GAKO). Fund 582. List 85. File 181 a. (In Russian).
25. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 797. List 40. File 35. (In Russian).
26. State Archive of Kirov Oblast (GAKO). Fund 582. List 128 g. File 86. (In Russian).
27. State Archive of Kirov Oblast (GAKO). Fund 582. List 128 zh. File 1. (In Russian).
28. State Archive of Kirov Oblast (GAKO). Fund 57. List 1. File 39. (In Russian).
29. Vurgaft, S.G. & Ushakov, I.A. (1996) *Starobryadchestvo. litsa, predmety, sobytiya i simvoly. Opyt entsiklopedicheskogo slovarya* [Old Believers. Persons, objects, events and symbols. Experience of an encyclopedic dictionary]. Moscow: Tserkov'.
30. State Archive of Kirov Oblast (GAKO). Fund 582. List 129 a. File 27. (In Russian).
31. State Archive of Kirov Oblast (GAKO). Fund 582. List 128 g. File 206. (In Russian).
32. Kochergina, M.V. (2011) *Starodub'e i Vetka v istorii russkogo starobryadchestva (1760–1920 gg.): demograficheskoe razvitiye starobryadcheskikh obshchin, predprinimatel'stvo, dukhovnaya zhizn', kul'tura* [Starodub'e and Vetka in the history of Russian Old Believers (1760–1920): the demographic development of Old Believer communities, entrepreneurship, spiritual life, culture]. Bryansk: Lodomir.
33. Vasil'eva, S.V. (2011) *Gosudarstvennaya i tserkovnaya politika v otnoshenii starobryadchestva Baykal'skogo regiona (XVII–XXI vv.)* [State and church policy regarding the Old Believers of the Baikal region (17th–21st centuries)]. Abstract of History Dr. Diss. Ulan-Ude.
34. State Archive of Kirov Oblast (GAKO). Fund 582. List 128 z. File 34. (In Russian).
35. State Archive of Kirov Oblast (GAKO). Fund 582. List 574. List 1. File 30. (In Russian).

Received: 29 January 2018